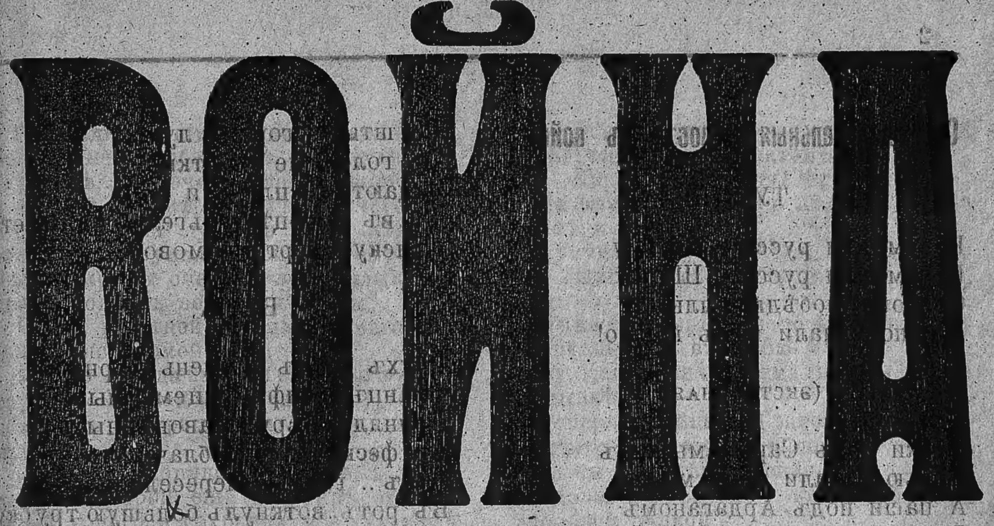
1915 года

юмористическій и сатирическій альманахъ.

Приключенія, видѣнія и размышленія Фиши Пастушка Изданіе автора.

военныя телеграммы и новости и все вѣрнѣй вѣрнаго!

Складъ изданія: Москва Домниковская д. 2. кв. 25. и типографіи

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ!

Въ Германіи весь народъ на войну сплавленъ и наборъ лягушекъ объявленъ!
Вильгельмъ забрался подъ печку и ставитъ тамъ черту свѣчку!

Будущее кайзера.

Онъ катается теперь
На пушкѣ,
Но поскачетъ скоро онъ
На... лягушкѣ.

Онъ давно уже привыкъ
Къ спорту.
И поскачетъ скоро онъ
Къ... черту!

Сногсшибательныя новости съ войны.

ТУРЦІЯ.

Вспомнили русскіе Плевну
Вспомнили русскіе Шипку
Словомъ побѣды былыя
И... понаклали намъ шибко!

(экстренная)

Турки подъ Сарыкамышемъ
Ночью бѣгали какъ мыши.
А паши подъ Ардаганомъ
Всѣ валились вверхъ ногами.

ЦАРЬГРАДЪ.

Днемъ и ночью по Царьграду
Турки шествуютъ толпой
И кричатъ, раскрывши глотки:
„Прочь Султана! Прочь. долой...
Прочь Энвера! Подлыхъ нѣмцевъ!
Всѣхъ измѣнниковъ долой!
Не хотимъ мы больше драться
И итти съ Россіей въ бой!»

ЭРЗЕРУМЪ.

Доживаетъ дни послѣдніе
Старый городъ Эрзерумъ:
Припожалуютъ къ намъ русскіе
И пойдетъ шурумъ-бурумъ...

ПРУССІЯ.

Собираютъ нѣмцы въ армію:
Бабъ, дѣвченокъ и... калѣкъ.
И идутъ повсюду ахоньки;
Знать насталъ послѣдній вѣкъ!

БЕРЛИНЪ.

Городъ точно весь повымеръ;
Днемъ и ночью тишина,
Лишь у стражника ночного
На штыкѣ горитъ луна...
Да голодные ребятки
Задаютъ и плачь и вой,
Да въ дворцѣ Вильгельма пляшетъ
Пляску смерти домовой.

ВѢНА.

Слухъ идетъ и очень вѣрный
Францъ-Іосифъ лицемѣрный
Принялъ вѣру правовѣрныхъ
Въ феску сдуру облачился
И въ... гаремъ переселился,
Въ ротъ воткнулъ большую трубку
И ворчитъ: «теперь я турка!
Веселитесь одалиски
Наши вѣнскія модистки!
Будемъ день и ночь плясать
На войну же наплевать!

ПОЗДНЕЕ СОЖАЛѢНІЕ.

I.

Карлъ Карловичъ Фонштейнъ былъ ученый профессоръ.

Ему нѣмцы всегда говорили въ дружеской бесѣдѣ и на всѣхъ нѣмецкихъ собраніяхъ.

— Карлъ Карловичъ молодецъ! Онъ ученый, извѣстный человѣкъ! О, онъ написалъ книга, большой толстый какъ колбаса, насчетъ бугорчатки и блохи! О, онъ мейнготъ башка!

Часто этотъ и ученый и профессоръ являлся по своей халатности и разсѣянности на лекціи безъ невыразимыхъ, но за то при галстукѣ и въ блестящей цилиндрѣ съ сигаркой въ зубахъ.

II.

Лѣтъ 15 Фонштейнъ жилъ на одной квартирѣ на Полянкѣ. Потомъ его за неряшливость попросили выѣхать и онъ перебрался на Якиманку.

Однажды Фонштейнъ долго засидѣлся въ одномъ колбасномъ обществѣ въ биргалкѣ, гдѣ очень много говорилось о прямой кишкѣ у мухѣ и отчего собака лаетъ на луну, и какъ нѣмецъ обезьяну выдумалъ и еще о томъ, что мыши и крысы очень полезны для прусскихъ солдатъ во время войны.

Послѣ пріятной бѣседы, Фонштейнъ отправился домой.

У него всегда имѣлся ключь отъ квартиры въ карманѣ, на случай что бы позднимъ возвращеніемъ не безпокоить прислугу.

Подобный порядокъ былъ имъ заведенъ на старой еще квартирѣ отъ которой у него и сохранился въ карманѣ ключъ.

Придя домой дыша какъ свинья, онъ не раздѣваясь легъ въ постель и тутъ же захрапѣлъ какъ боровъ на всю квартиру. Въ квартирѣ отъ храпа „ученого" всѣ всполошились.

III.

— Никакъ самъ вернулся?

— Да пришли и уже спятъ, сказала горничная.

— А трезвый, или того, съ банками?

— Да маленько есть, прошли прямо въ спальню и легли не раздѣвамшись.

— По этому совсѣмъ значитъ пьянъ, коли не раздѣлся.

Теперь какъ проснется, то и буянить начнетъ...

— Какъ-же теперь, барыня, быть? Ужъ не связать-ли намъ его по крѣпче пока спитъ?

— Позови швейцара, мы его сейчасъ въ чувствіе произведемъ.

Протирая заспанныя глаза появился швейцаръ.

— Что барыня прикажите?

— Вотъ что Григорій, тащи-ка сюда ушатъ воды, да похолоднѣе!

Появилась вода, сама купчиха Федосья Петровна, стоя у двери спальни прислушивалась къ храпу Фонштейна.

— Стащи съ него Григорій одѣяло и лей на него изъ ушата воду да по живѣе!

— Слушаю-съ.

Фонштейнъ вскочилъ какъ угорѣлый и заоралъ благимъ матомъ:

— Караулъ! Рѣжутъ! Фуй!

На крикъ сбѣжались люди, появился свѣтъ и ужасъ...

Купчиха Фунштинова, поняла что это ошибка, это посторонній человѣкъ, а не ея мужъ.

Нѣмецъ «умный» и попалъ по своей разсѣянности въ свою старую квартиру, какую онъ занималъ раньше на Ордынкѣ.

Теперь швейцаръ Григорій очень сожалѣетъ, что это случилось не теперь, а то бы онъ нѣмца привелъ въ чувство не холодной водой, а кипяткомъ или здоровой палкой.

ХАРЧИ У ШВАБОВЪ, ДЛЯ СЕБЯ И ДЛЯ АРМІИ.

Для арміи харчишки
Есть хрѣнъ да... кочерыжки,
Идетъ же для двора:
Лососька и икра..

ХИТРЫЙ НѢМЕЦЪ.

Нѣмецъ приходитъ домой и шепчетъ горничной:

— Вотъ тебѣ Соня, на чай, только скажи мнѣ правду—былъ сегодня кто въ мое отсутствіе у барыни?

— Увѣряю васъ, Карлъ Карловичъ, ни одной души не было!

— Гмъ!.. въ такомъ случаѣ, коль никого не было, дай сюда деньги обратно!...

Такъ нѣмцы и на войнѣ поступаютъ выкинутъ бѣлый флагъ, что сдаются, а потомъ стрѣляютъ... Жулики.

ПОДРУГИ НѢМКИ.

— Амалія, тебѣ что твой лейтенантъ подарилъ къ новому году?

— Онъ мнѣ подарилъ брошку смородированную у кронпринца...

— Это выходитъ жуликъ у жулика дубинку стащилъ?..

— Именно, они въ этомъ молодцы.

Кайзеръ съ побѣды.

Въ путь обратный по рытвинамъ
Скачетъ кайзеръ, чуть живой,
Передъ нимъ повсюду трупы,
Черепа своихъ—горой.
  Голова его поникла,
  Лошадь хуже—нѣтъ одра,
  А въ ушахъ, какъ громъ ужасный
  Воетъ русское «ура!»
Ѣдетъ кайзеръ по дорогѣ;
Всюду кости по полямъ
И какъ свиньи разжирѣли
Стаи хищныхъ по кустамъ.
  „Да, хорошая побѣда!»
  Шевельнулося въ мозгу:
  Все вѣдь это трупы нашихъ
  И въ лѣсахъ и на лугу...»

По рѣкамъ бурлясь и пѣнясь
Воды красныя текутъ.
По деревнямъ и по селамъ
Раззоренные ревутъ.
  „Побѣдилъ!» мелькнуло снова
  Въ глупой кайзера башкѣ...
  „И за это ты отвѣтишь!»
  Раздалося вдалекѣ.
Вздрогнулъ кайзеръ, мутнымъ взоромъ
Онъ взглянулъ во всѣ концы,
И вездѣ ему грозились,
Вставъ, костями мортвецы.

ПОЛОЖЕНІЕ.

— Вотъ чертъ возьми! дожили до положенія: ни денегъ, ни хлѣба, ни пива. хоть изъ Берлина бѣги, однѣ крысы остались да и къ тѣмъ приступу нѣтъ, цѣнятся на вѣсъ золота! тьфу, и житье! Хуже кайзеровскаго!

НѢМЕЦЪ-ХАПУГА.

Имѣлъ онъ два подданства,
Имѣлъ онъ много рукъ
И жилъ въ Россіи долго
Безъ горя и безъ мукъ
Катался здѣсь за русскихъ,
И свиньями ихъ звалъ
И денежки Вильгельму
На... „нужды" посылалъ:
На флотъ, вооруженье.
Да: словомъ не зѣвалъ
И Русь, ему чужую,
Онъ нагло обиралъ.

Рожокъ.

Кончились трезвые святки, погуляли ребятки, до ночи съ утра, а теперь и за работку пора,—не все гулять, нужно и честь знать.

Такъ-то!

Вонъ въ пьяной Калугѣ, всѣ недруги и други отъ виннаго угара на четвереньках ходили и все городъ Калугу хвалили, а градоправителей до небесъ возносили; „Вотъ молъ какую дали намъ благодать, не надо и умирать, водку и вино локай и пей, хоть до зеленаго змія, а хоть до чертей!". И пили калужане и въ кабакахъ и въ банѣ, пили на улицахъ и на дворахъ, въ театрахъ и въ гостяхъ... Словомъ такое было столпотвореніе всей Руси на удивленіе... Вотъ такъ городъ Калуга! За этакую заслугу, за винный кавардакъ, слѣдовало-бы ее переименовать въ кабакъ! Словомъ калужане святки жили не по Русски, а по прусски!

Въ Пруссіи на святкахъ такъ тоже водку и пиво лопали, что очертенѣвши ночи напролетъ глазами хлопали—

Ну и дѣла!

Говорятъ въ пьяной Калугѣ столько на праздникахъ народу было, что въ кабакахъ и трактирахъ и мѣста всѣмъ не хватило. Пріѣзжали въ Калугу за винцомъ изъ села Глинище, изъ города Минска и далекаго Мещилинска, изъ Петрограда, Омска и далекаго Томска. Изъ Москвы, Рузы и чутли не изъ Парижа французы. Словомъ изо всѣхъ мѣстечекъ и городовъ и люди всѣхъ званій и родовъ сначала жаждующіе винца на мѣстѣ какъ стельки напивались, потомъ кульками и ящиками запасались и по домамъ на желѣзной лошадкѣ отправлялись... И пѣли пьяные съ натуги, веселыя пѣсни въ честь пьяной Калуги.

Ай Калуга, ой Калуга!
Дербень радуга моя,
За винцо тебѣ спасибо
Распотѣшила меня!
Ай Калуга, ой Калуга!
Не Калуга,—кабачекъ,
Процвѣтай родная пьянствомъ
Ты на весь четвертачекъ!
Ай Калуга, ой Калуга!
Удивила всю ты Русь.
Я отъ радости Калужской
Хоть со всѣми подерусь!
Ай Калуга, ой Калуга!
Честь вамъ города отцы,
Что вы пьянство поддержали,
Вы за это молодцы!
Ай Калуга, ой Калуга!
Что за пьяный городокъ,
Если бъ не было Калуги
Гдѣ бы такъ я понамокъ?

Вѣрно!

Узнаетъ теперь кронпринцъ прусскій обязательно пріѣдетъ въ Калугу со своей закуской, онъ любитель пьянства, хоть и принцемъ не называй, а только винца дай, до вина такой охотникъ,

Господа - нѣмцы.

За неимѣніемъ въ Пруссіи рабочихъ рукъ, которыя всѣ остались на поле брани, господа нѣмцы сами возятъ тачки, и говорятъ, ничего, привыкаютъ. Привыкнешь, голодъ вѣдь не тетка!

точно тверской плотникъ, затѣмъ пошелъ и воевать, что очень любитъ выпивать...

Кайзера сынокъ, что винный погребокъ, столько вина вмѣщаетъ, что одна принцева утроба знаетъ.

Бездонная!

Слыхали вы люди вѣрные, какъ подъ Сарыкамышемъ безъ головы бѣжали отъ нашихъ правѣрные?.. Такъ говорю бѣжали, что всѣ головы растеряли.

А паша ихній въ плѣнъ съ радости сдался и такъ кашей напитался, что насилу отдышался.

Обрадовался!

Словомъ турки какъ и швабы русскаго плѣна очень рады, потому у насъ кашка есть, щи, табачекъ, а чаю пей хоть до упаду, а солдату больше ничего и ненадо...

Вѣрно!

Прощеніе господа прошу, за новыми пѣснями спѣшу. Теперь вѣдь я беру для васъ пѣсни, не въ Москвѣ на Прѣсни, а далеко бѣжать шибко такъ лобъ треснетъ.

Прощайте!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ВЪ АДУ.

Легъ кайзеръ поздно ночью,
Какъ чушка разъ икнулъ
И боровомъ безпечнымъ
Такъ здорово заснулъ.
Вдругъ съ шумомъ отворилась
Въ опочивальню дверь
И въ комнату явился
Съ рогами страшный звѣрь.
Протеръ Вильгельмъ глазища
И видитъ первый сортъ:
Предъ нимъ, оскаливъ зубы,
Стоитъ огромный чертъ.
Кругомъ обросшій шерстью,
Съ копытами, съ хвостомъ.
Глаза горятъ какъ плошки
И рожки надо лбомъ,
„Что нужно? Иль побѣды?
Побѣдамъ такъ я радъ“...
„Нѣтъ!“ чертъ тутъ улыбнулся
Пожалуйте ка въ адъ!
Вотъ вамъ и предписанье
Изъ ада старшій шлетъ!
И тутъ-же у Вильгельма
Душонку вынулъ чертъ.
И кайзеръ моментально
Попалъ въ престрашный адъ,
Гдѣ грѣшники, страдая,
Вѣка въ смолѣ кипятъ.

Попалъ и ужаснулся,
Воскрикнувъ громко: „ай!"
Вильгельмъ на свѣтѣ думалъ
Попасть конечно въ рай.
Гдѣ Гретхены за пивомъ
И пляшутъ и поютъ
И нѣмцамъ на просторѣ
Вѣнки изъ хмѣля вьютъ...
Здѣсь встрѣтили Вильгельма
Съ подручнымъ старшій чертъ
Промолвивши: „у насъ вѣдь
Житье за первый сортъ!
Для всѣхъ у насъ готова
Горячая смола
А въ ней чтобъ вы не спали,
Есть колъ на днѣ котла"...
Поморщился усастый
Хотѣлъ протестовать,
Но вмигъ его схватили
И начали таскать,
Чертищи, что есть духу
По аду взадъ, впередъ,
Вильгельмъ какъ сумасшедшій
И плачетъ и оретъ.
Но черти знай таскаютъ
И бьютъ его коломъ,
И въ морду больно тычутъ
Поганымъ помеломъ.
А третій чортъ безрогій
Вильгельму такъ поетъ;
„На свѣтѣ ты вѣдь мучилъ
Нѣмецкій то народъ?!
А сколько ты невинныхъ
Замучилъ подлый, душъ?
И вотъ теперь за это
Получишь смольный душъ.
Чай ждалъ себѣ за это
Ты рай заполучить,
Веселый, магометовъ
И вѣчно пиво пить?
Шалишь Вильгельмъ кровавый
Пожарься-ка въ смолѣ,
А скучно, повертися,
Какъ флюгиръ на колѣ...
Попилъ людской ты крови
И пожилъ отъ души,
Теперь въ смолѣ горячей
За это попляши,
Помучилъ ты жестоко
Ченстоховскихъ мѣщанъ,
И пролилъ крови много
Невинныхъ Калишанъ.
Конечно ты за это
Въ аду не пропадешъ
И первое мѣстечко
Въ огнѣ себѣ найдешь"...
Проснулся отъ испуга
Вильгельмъ и весь дрожитъ
И потъ съ него ручьями
Горячими бѣжитъ.
Ну штука же приснилась!
Чертъ въ адъ меня сволокъ"..
И сморщивъ лобъ съ досады
Онъ плюнулъ въ потолокъ.

ВЪ КОНТОРѢ.

— Я уже годъ прослужилъ въ вашей фирмѣ; я позволю себѣ напомнить что мнѣ была обѣщана прибавка жалованья...

— Я очень хорошо это помню, но я помню также, что было обѣщано, если вы не дадите мнѣ повода къ неудовольствію.

— А развѣ я васъ чѣмъ-нибудь разсердилъ?

— А напоминаніемъ о прибавкѣ!

У ЗУБНОГО ВРАЧА.

Къ зубному врачу приходитъ дама. Послѣ операціи она даетъ ему одинъ рубль.

— Сударыня! вы ошиблись... Это вѣроятно для моего лакея.

Дама, не сморгнувъ глазомъ, отвѣтила:

— Нѣтъ—для васъ обѣихъ.

ТОЖЕ ОХОТНИКЪ.

— Дѣточка! милая! пусти меня на охоту! —просилъ у своей молодой и хорошенькой женки Иванъ Ивановичъ, мнящій себя страстнымъ охотникомъ.

— Ни за что. Ты ранишь себя.

— Не раню... Пусти... Даю тебѣ честное слово, что не сдѣлаю ни одного выстрѣла.

Нѣмки воячки.

Нѣмецкія женщины убиваютъ ненавиэтныхъ имъ враговъ: русских, французовъ, англичанъ, белгійцевъ будь то хоть и мирные жители.

Ночью.

Выѣзжаютъ въ поле розвальни,
Скрылись избы и околица.
Внучка Фекла призадумалась,
Дѣдъ Касьянъ въ дорогу молится.
Ты смотри, Ѳеклуша, въ Питерѣ
Не тае... живи по совѣсти;
Обмануть то дѣвку глупую
Людямъ злымъ легко по новости.
Коль спознаешься съ ребятами,
Честь то дѣвичья потеряна.
Эхъ ты, наша жисть сиротская! —
И хлестнулъ возжею мерена

———

Занималъ онъ въ департаментѣ
Постъ солидный (правда, временный),
Регулярно и съ оглядкою
Измѣнялъ женѣ беременной,
Время Новое выписывалъ,
У Донона передъ жаренымъ
Пилъ всегда вино удѣльное —
Словомъ былъ онъ русскимъ бариномъ

Со своей физіологіей
Въ эту ночь не могъ онъ справиться
Все въ игривыхъ снахъ мерещилось
Деревенская красавица,
Онъ изъ спальни въ кухню крадется
Къ Ѳеклѣ вор вокой походкою.

До зари Ѳеклушка плакала
За своей перегородкою,
Онъ ворчитъ: Вотъ деревенщина!
Вѣдь теперь ужъ поздно пятиться,
Не реви, разбудишь барыню.
На, возьми себѣ на платьице!

———

Вьюга скрыла бѣлой хмарою
Избы, въ снѣгъ глубокій вросшія...
Въ эту ночь Касьяну старому
Сны все снились нехорошіе.

Москва Типографія С. А. Алянчикова
Домниковская улица д. 2, кв. 25.